

Ева
ВАЛЕТТИ

Новый год
с БОССОМ

Ева Валетти

Новый год с боссом

«Автор»

2026

Валетти Е.

Новый год с боссом / Е. Валетти — «Автор», 2026

Что случится, если в канун Нового года в дверь постучится... твой босс?
Я сбежала на дачу, мечтая о семейном празднике и оливье, но по стечению обстоятельств осталась совсем одна. И вот теперь, когда дороги перекрыты, свет мигает, а за окном ревет метель, ко мне вваливается не кто-нибудь, а человек, который не верит ни в чудеса, ни в Новый год, ни, кажется, в людей вообще. Мой босс. А когда от ненавистного босса не скрыться даже в новогоднюю ночь — жди чудес. Обложка: Эллис Мор

© Валетти Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ева Валетти

Новый год с боссом

Пролог

29 декабря. На часах – 18:45.

Город за панорамным окном одной из башен «Москва-Сити» превратился в белый кисель. Снег валил так, будто небесная канцелярия решила выполнить пятилетку по осадкам за один вечер. Где-то там, далеко внизу, улицы застыли в десятибалльных пробках, люди штурмовали магазины и тащили домой ёлки.

А здесь, прямо в облаках, царила стерильная тишина.

Я была уверена, что осталась одна. Максим Александрович Власов – мой босс, кошмар и по совместительству владелец «Власов Инвест» – уехал полчаса назад. Он буркнул что-то про аэропорт и скрылся в лифте.

Свобода.

Я выдохнула, чувствуя, как с плеч сваливается бетонная плита. Первым делом скинула ненавистные чёрные туфли на шпильке. Ноги гудели так, словно я пробежала марафон. С наслаждением натянула толстые вязаные носки с оленями, которые осенью связала бабушка. Потом влезла в грубые зимние ботинки.

Осталось только накинуть пуховик, схватить чемодан и бежать на вокзал. Правда, до поезда ещё целых два часа.

Я еду на дачу! А утром там соберутся мама с её новым мужем, брат и бабушка. Как же я по всем соскучилась!

От избытка чувств я запрыгнула на край рабочего стола – прямо в ботинках. Знала, что камеры сейчас отключены. Давно мечтала так сделать. В руке всё ещё болталась туфля – чёрная, лакированная, с острым каблуком, прямо как характер начальника.

– В лесу родилась ёлочка, – запела я, размахивая туфлей, словно дирижёрской палочкой.
– В лесу она росла... И Маша к ней поедет, и Маша к ней пришла!

– Соколова, вы в своём уме?

Голос разрезал тишину – ледяной, спокойный и убийственно знакомый.

Я застыла с поднятой туфлей в руке. Кровь отхлынула от лица, а потом ударила обратно. Медленно, словно во сне, я повернула голову к двери. Ноги ещё оставались на столе, но уже не слушались – деревянные, чужие. В горле пересохло мгновенно, будто я проглотила пригоршню песка.

Максим Александрович стоял в дверном проёме. Он никуда не уехал. Или вернулся – понятия не имею. Пальто висело на его руке, галстук был чуть ослаблен, а взгляд... Этот взгляд мог заморозить кипяток. Он смотрел на мои ботинки на дорогой столешнице и торчащие из них носки с оленями так, словно это было личное оскорбление его эстетическому вкусу.

– Что за балаган вы здесь устроили? – спросил он, проходя в приёмную.

Я хотела спрыгнуть со стола, но от неожиданности нога соскользнула, и я чуть не рухнула. Еле удержала равновесие, но туфлю из рук не выпустила. Теперь я выставила её перед собой, острым каблуком вперёд, словно защищалась от вампира.

– Вы... вы же уехали, – выдавила я.

– Рейс отложили. Погода нелётная, – он бросил пальто на кресло и посмотрел на мой чемодан у двери. – А вы куда собрались в таком виде? На утренник в детский сад?

Я попыталась спуститься со стола, но поскользнулась. Пришлось неловко подпрыгнуть, едва не упав. Максим Александрович приподнял бровь, наблюдая за моими потугами.

– Впервые такое вижу, – едва слышно сказал он, но помогать не стал.

Наконец, я оказалась на полу, всё ещё сжимая туфлю. Щёки горели.

– Еду на праздники, Максим Александрович. На дачу. К семье.

– Семья? – он усмехнулся той самой фирменной ухмылкой, от которой хотелось либо ударить его, либо расплакаться. – Оливье, телевизор и вера в чудо? Соколова, я был о вас лучшего мнения. Новый год – это просто смена цифр в календаре. Маркетинговая уловка для тех, кто готов тратить деньги на мишуру.

Я молчала, но что-то внутри начинало закипать.

– Что, нечего ответить? – он сделал шаг ближе. – Или вы тоже верите в Деда Мороза?

– Знаете, что? – слова вырвались сами. – Для вас всё – деньги и цифры. Вы живёте в своём стерильном офисе и думаете, что это весь мир.

Его лицо слегка напряглось, но я уже не могла остановиться. У меня с детства были проблемы с тормозами.

– У вас есть миллиарды, Максим Александрович, но... – я подняла туфлю, словно щит между нами, – но нет никого, кто ждал бы вас с пирогами.

Тишина. Его лицо окаменело.

И всё же я перешла границу, но теперь поздно кричать караул.

– Не подходите. – каблук туфли смотрел чётко в грудную клетку босса.

– Поставь туфлю, Маша, – он впервые назвал меня по имени, но прозвучало это как угроза. – Ты выглядишь нелепо.

– Тогда отойдите! – крикнула я, а потом совсем тихо добавила: – Робот.

Он не отступил. Наоборот, подошёл вплотную. Туфля упёрлась в дорогой пиджак. Наверняка след останется. Я почувствовала запах его парфюма – холодный, резкий, с нотками цитруса и чего-то горького.

– Робот? – он наклонил голову, и в полумраке офиса его глаза блеснули опасно. – Это всё, на что хватило твоей фантазии, Соколова? Я ожидал от тебя большей оригинальности.

– Нет, вы очень странный человек! – я ткнула каблуком в его грудь, оставляя небольшую вмятину на идеальном лацкане. – Вы ненавидите Новый год?

Его брови чуть дёрнулись – единственный признак эмоций.

– Он просто мне неинтересен. Зачем тратить время на глупости, когда можно провести его с пользой или хотя бы с комфортом?

– Например?

– Хороший отель в Куршевеле, спа-процедуры, устрицы на частной яхте, вертолётная прогулка над Альпами, – он перечислял это таким тоном, словно читал биржевые сводки. – Вариантов масса. Но точно не эта дешёвая мишура.

Из его уст это звучало настолько естественно и само собой разумеющимся, что на секунду я засомневалась: может, это я странная со своей дачей и оливье?

– Знаете, что? – голос задрожал от возмущения. – Я желаю вам... я искренне желаю вам, Максим Александрович, чтобы хоть раз в жизни ваши деньги превратились в фантики. Чтобы вы оказались там, где ваши золотые карты – просто куски пластика. Чтобы вы провалились в эту самую «маркетинговую выдумку» и поняли, каково это – когда тебя греет только надежда, а не климат-контроль!

Он смотрел на меня с нескрываемым скепсисом, и когда уголок его рта дёрнулся в насмешливой улыбке, что-то во мне лопнуло.

Я замахнулась и швырнула туфлю от злости. Она со стуком врезалась в стену прямо возле розетки.

Свет мигнул.

...Совпадение же?

– Это что за детский сад? – голос босса стал ледяным. – Ты закончила свою новогоднюю истерику? А теперь...

Договорить он не успел.

Свет мигнул второй раз – дольше, тревожнее. А потом с сухим электрическим треском погас окончательно.

Абсолютная, густая темнота накрыла офис. Гул кондиционеров затих.

Я замерла, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

– Боже, – прошептала я в крошечную темноту. – Я что, сломала «Москву-Сити»?

Глава 1

Тридцатое декабря. Полдень.

За окном моей старенькой дачи творилось что-то невообразимое. Снег не просто шёл – он лупил в стёкла с двойными рамами, завывал в печной трубе и наметал сугробы с такой скоростью, будто зима решила похоронить весь дачный посёлок до весны.

Но здесь, внутри добротного деревянного дома, пахло счастьем.

Пахло варёной морковью, картошкой в мундире и мандаринами. По потолку гостиной тянулась старая гирлянда с разноцветными лампочками-свечками – дедушка вешал её ещё в восьмидесятых. На окнах белели вырезанные из тетрадных листов снежинки – мы с братом делали в детстве, а в углу покачивался покосившийся пластиковый Дед Мороз – метровый, с облупившейся бородой, но всё такой же родной.

Я стояла посреди кухни в своей любимой плюшевой пижаме – ярко-розовой, с капюшоном, на котором болтались заячьи уши. В одной руке у меня был нож, в другой – горячая картофелина, которую я мужественно пыталась очистить, не обжигая пальцы.

Вчерашний кошмар в «Москва-Сити» казался дурным сном.

Я уже прочитала в рабочем чате, что электричество в башне вырубилось из-за крупной аварии на подстанции. Моя туфля, к счастью, не обладала магической силой разрушать небоскрёбы. Эта мысль грела меня даже сильнее, чем старая чугунная батарея с облупившейся краской. Я была в безопасности. Свободна. И Максим Александрович Власов – этот ледяной истукан в дорогом костюме – остался где-то там, в другом мире, полном цифр, отчётов и снобизма.

– Ирония судьбы, – пробормотала я, поглядывая на экран ноутбука, где Женя Лукашин в сотый раз пытался объяснить Гале, почему он летит в Ленинград. – Вот ты, Женя, хотя бы в баню сходил. А я просто сбежала. Пулей вылетела из офиса, как только вырубилось свет.

На бабушкином буфете стояла коробка с ёлочными игрушками – стеклянные шишки, космонавты, кукуруза из папье-маше. К вечеру я собиралась украшать маленькую ёлку, которая уже стояла в ведре с песком у печки.

Телефон на столе завибрировал, прерывая мои философские размышления. На экране высветилось: «Лёшка-Брат».

– Лёшка! – радостно выдохнула я, хватая трубку. – Вы где? Я уже мясо достала, оно маринуется на завтра! А картошка...

– Маш... – голос брата звучал как-то странно. Глухо и виновато.

У меня внутри всё оборвалось. Я знала этот тон. Таким тоном он в третьем классе признавался, что это он, а не кот, разбил мамину любимую вазу.

– Лёша, не молчи. Что случилось?

– Мы не проедем, Маш.

– В смысле «не проедем»? – я села на старую табуретку с потрескавшейся краской, всё ещё сжимая в руке нож. – У тебя же внедорожник! Ты говорил, он танк!

– Танк-то танк, но трассу перекрыли. Гаишники разворачивают всех. Там впереди фура сложилась, перегородила всё наглухо. Говорят, до утра точно не разгребут, а метель только усиливается. Мы сейчас пытаемся развернуться и доехать до ближайшего мотеля, потому что видимость нулевая. Мама уже паникует.

Я молчала. Слышала только, как в трубке шумит ветер, и кто-то сигнализирует на фоне.

– Машунь, прости, – голос брата дрогнул. – Мы правда пытались. Но к тебе сейчас только на вертолёте добраться можно. Но мы очень надеемся на завтра. Ты там... ты как? Не испугалась одна?

Я посмотрела на гору неочищенных овощей. На банку горошка. На три килограмма мандаринов. На пустой стул напротив – тот самый, на котором папа всегда сидел во главе стола. Слёзы подступили к горлу горячим комом. Ну почему? Почему именно сейчас? Я так ждала этого! Я так хотела, чтобы было шумно, весело, чтобы мама ворчала, что я крупно режу колбасу, а бабушка подкладывала мне пирожки с капустой.

– Маш?

Я шмыгнула носом, вытерла глаза рукавом своей розовой пижамы и резко выпрямилась. Нет уж. Не дождётесь. Я Соколова или кто?

– Всё нормально, Лёш, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Не переживайте. У меня тут тепло, еды на роту солдат. Я... буду ждать вас завтра. А даже если не приедете – устрою себе лучший Новый год! Буду есть оливье прямо из тазика и горланить песни. Главное, сами будьте осторожны.

Мы попрощались. Я положила телефон и посмотрела в окно, где за вырезанными снежинками бушевала метель.

– Ну и ладно, – громко сказала я в пустоту. – Ну и пожалуйста!

Слёзы всё-таки предательски покатались по щекам, но я зло смахнула их.

– Ты меня слышишь, вселенная? – я подняла глаза к потолку с побелкой, которая кое-где осыпалась. – Если ты решила проверить меня на прочность, то знай: я не сдамся! Я нарежу этот салат, даже если мне придётся есть его одной до самого Рождества!

Я включила фильм погромче. На экране Надя Шевелёва пела про то, что «вагончик тронется». Я подхватила песню, агрессивно нарезая солёные огурцы из трёхлитровой банки.

– Вагончик тронется, перрон останется! – горланила я, размахивая ножом. – А Власов со своим Куршевелем пусть катится к чёрту!

И чего я о нём вспомнила?

И в этот момент свет мигнул. Я замерла. Сердце пропустило удар. Гирлянда в гостиной тревожно моргнула и потухла.

– Нет, – прошептала я. – Только не это. Пожалуйста, только не свет.

Лампочка под абажуром из рисовой бумаги жалобно дзынькнула и погасла. Потом вспыхнула снова, но тускло, вполнакала. Ноутбук перешёл на работу от батареи, экран чуть потемнел.

А потом я услышала звук.

Тяжёлый удар. Будто кто-то огромный врезался в деревянную веранду.

Я выронила нож. Он со звоном ударился о клеёнку в цветочек.

Дачный посёлок зимой вымирал. Здесь не было никого. Только сторож дядя Вася, но его сторожка находилась в чуть поодаль, и в такую погоду он носа бы не высунул. Может, ветка упала с яблони?

БАМ.

Удар повторился, теперь чётко во входную дверь. Кто-то дёргал ручку и настойчиво стучал. Кто это? Грабители? Сбежавшие уголовники? Или, может, медведь-шатун? Хотя откуда в Подмоскovie медведи...

Я заметалась по кухне. Нужно оружие. Срочно! Скалка? Слишком лёгкая. Чугунная сковорода бабушки? Завалена грязной посудой. Кочерга у печки – далеко, бежать через тёмную гостиную мимо покосившегося Деда Мороза.

Взгляд упал на сумку, которую я бросила в углу вчера вечером. Из неё всё ещё торчал носок той самой, «счастливой» чёрной туфли. Я выхватила её, как самурай выхватывает катану. Одиннадцатисантиметровая шпилька хищно блеснула. Это оружие уже прошло боевое крещение.

Крадучись, стараясь не скрипеть половицами, я подошла к двери в прихожую. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая даже вой ветра. Ручка входной двери ходила ходуном. Тот, кто был снаружи, явно не собирался уходить.

– Уходите! – крикнула я, стараясь придать голосу басовитые нотки. – У меня собака! Злая! Алабай! И брат! Брат-боксёр! Он сейчас выйдет и... и...

Дверь содрогнулась от мощного удара плечом. Хлипкий дачный замок, установленный дедом, жалобно хрустнул.

– Открывай... – донеслось из-за двери.

Я взвизгнула и отскочила назад, выставив перед собой туфлю.

– Я полицию вызвала! Они уже едут!

Дверь распахнулась с грохотом, впуская в дом клубья снега и ледяного ветра. Порыв воздуха швырнул мне в лицо горсть колючих снежинок и сорвал с вешалки вязаную шаль. На пороге стояло... нечто. Это был высокий снежный ком в форме человека. Пальто – когда-то явно дорогое, кашемировое – превратилось в мокрую, грязную тряпку. На голове вместо шапки – сугроб.

Человек шагнул через порог, шатаясь, как зомби из старого фильма.

– Какая к чёрту полиция... – прохрипел он, отряхивая снег с волос. Его взгляд застыл на туфле в моей руке. А мой – на его лице. Не может быть! – Соколова? Ты всё ещё таскаешь её с собой?

Я оцепенела. Туфля в моей руке едва заметно дрогнула.

– Максим Александрович? – выдохнула я, чувствуя, как челюсть медленно ползёт вниз.

Глава 2

– Вы что, следили за мной? – я сжала туфлю крепче. – Приехали уволить лично? В такую метель?

Он поднял глаза. Несмотря на крупную дрожь, в них плескалось привычное раздражение.

– Соколова... – зубы выбивали чечётку. – У тебя мания величия прогрессирует. Ещё чего – ехать за тобой специально.

Он шагнул вперёд, оставив на крашенных половицах грязную лужу. Взгляд скользнул по розовой пижаме, задержался на заячьих ушах капюшона, спустился к носкам с оленями и остановился на лакированной шпильке в моей руке.

– Ты... – побелевшие губы едва шевелились, – всегда встречаешь гостей в костюме кролика-убийцы?

– Это пижама! – я забыла, что передо мной полузамёрзший человек. – А вы вторглись в частную собственность!

– Телефон... нужен... – просипел он. – Мой сдох. И что-нибудь горячее.

Он попытался сделать ещё шаг – величественный и властный, каким обычно входил в переговорную. Но мокрые ботинки на старом паркете предательски разъехались.

– Максим Александрович!

Я дёрнулась вперёд, но поздно.

Он не просто упал – рухнул с достоинством сброшенной с пьестала статуи. Великий и ужасный Власов, гроза совета директоров, сложился как карточный домик прямо к моим ногам в пушистых носках, уткнувшись лицом в тапочки с помпонами.

Я стояла над ним с туфлей в руке. За окном выла вьюга. Гирлянда внезапно ожила, замигав всеми цветами радуги. А из гостиной доносилось: «Какая гадость эта ваша заливная рыба!»

– Чёртов снег, – выругался босс.

Я очнулась от ступора.

– Максим Александрович! Вы целы?

– Не дождётесь, Соколова, – прошипел он, пытаясь приподняться на локтях. – Конечно, цел.

С мокрого кашемирового пальто на крашенные доски натекала грязная лужа. Босс выглядел как мокрый, злой и очень породистый кот, которого злые дети искупали в проруби.

– Давайте руку! – я отбросила, наконец, свою «шпильку-убийцу» и потянулась к нему.

– Не трогайте меня! – рявкнул он и тут же закашлялся. – Я сам.

– Сам он, – пробормотала я, наблюдая, как Власов принимает вертикальное положение.

– У вас тут что, каток? – прохрипел он, наконец выпрямившись. – Или это специальная ловушка для незваных гостей?

– У нас тут дача, Максим Александрович, – парировала я, чувствуя, как удивление сменяется раздражением. – Обычная дача. И вы, между прочим, ворвались без приглашения, дверь вынесли. Кто будет ремонтировать?

– Я стучал, – огрызнулся он, стряхивая с плеча ком тающего снега. – Пока не околел окончательно. Где телефон? Мне нужно вызвать машину. Моя застряла в километре отсюда. И горячего! – рявкнул Власов. – Вы обещали горячего. Или это была галлюцинация?

– Будет вам горячее. Раздевайтесь и идите на кухню, здесь дует.

Я закрыла истерзанную дверь на засов. Теперь ещё и с замком придётся разбираться.

Власов скинул пальто – тяжёлое, насквозь промокшее, – повесил на вешалку и направился по коридору, оставляя за собой грязные следы.

– Эй! – окликнула я. – Обувь!

Он обернулся с таким видом, будто я потребовала отдать почку.

– Что – обувь?

– Снимите. Или вы дома в ботинках ходите?

– Соколова, я замёрз, промок и застрял в глуши...

– Обувь, – повторила я, скрестив руки на груди.

Он смерил меня взглядом – от заячьих ушей до тапочек с помпонами – и с мученическим вздохом принялся стягивать ботинки, прислонившись к стене.

– Невероятно, – бормотал он. – В офисе, в ресторанах, даже дома у партнёров – везде пол с подогревом и прислуга. А тут... разувайся, как в детском саду. Спасибо, сменку не требуете.

– Это называется элементарная вежливость, Максим Александрович.

– Элементарная вежливость – это не заставлять полумёртвого человека ходить по холодному полу!

Я закатила глаза и достала из шкафчика тапочки брата – серые, с потёртой подошвой.

– Держите.

Он посмотрел на них так, будто я протянула ему дохлую крысу.

– Что это?

– Тапочки. Сорок пятый размер, должны подойти.

– Чьи?

– Какая разница? Они чистые.

Власов взял их двумя пальцами, осмотрел с подозрением археолога, изучающего сомнительную находку, и с мученическим вздохом надел.

– Если я подхвачу какую заразу...

– То это будет наименьшая из ваших проблем за сегодня. Кухня прямо по коридору.

На кухне было тепло. Пахло варёными овощами, хвоей и уютом.

Посреди кухонного хаоса Максим Александрович выглядел как инопланетянин на деревенской свадьбе. Он стоял у стола, ошалело обводя взглядом мои владения: мигающую гирлянду, тазик с недорезанным оливье, открытый ноутбук с фильмом.

И меня.

– Соколова, – зубы снова выбили дробь. – Скажи честно... ты всегда была такой?

Его взгляд остановился на пижаме.

Я машинально потрогала капюшон.

– Это заяц. Тёплый и мягкий. Моя пижама.

– Я схожу с ума, – констатировал он и опустился на табуретку. – Я в аду. Здесь пахнет майонезом, а черти носят розовые уши.

– Пейте.

Я сунула ему дедову кружку с чаем – поллитровую, с надписью «Лучшему рыбаку» и шукой на боку.

Власов вцепился в неё побелевшими пальцами, сделал большой глоток. Скривился, но продолжил пить. Краска медленно возвращалась к лицу, сменяя мертвенную бледность лихорадочным румянцем.

– Ну и гадость, – выдохнул он, допив до дна. – Он не просрочен?

– Это хороший чай, – обиделась я. – Между прочим, совсем не дешёвый.

Он посмотрел на меня с такой смесью жалости и презрения, что мне захотелось треснуть его половником. Но я сдержалась. Всё-таки человек замёрз.

– Рассказывайте, – потребовала я, скрестив руки на груди. – Как вы здесь оказались? Вы же собирались в Куршевель. Есть устриц и летать на вертолёте.

Власов отставил кружку, и на его лице появилось то самое выражение – трагическое, мученическое, словно он собирался поведать историю крушения «Титаника», а не банального застревания в снегу. Я знала этот взгляд. Брат смотрел точно так же, когда у него поднималась

температура до тридцати семи. Мужчины не просто болеют – они страдают. Не просто застревают в снегу – переживают катастрофу вселенского масштаба.

Судя по всему, меня ждала драма в трёх актах с прологом и эпилогом.

Я устроилась поудобнее и приготовилась слушать.

Глава 3

– Рейс отменили, – буркнул он, глядя в пустую кружку, словно надеясь найти там ответы на вопросы мироздания. – Аэропорты закрыты. Циклон.

– И вы решили пойти до Альп? Так это в другую сторону.

– Очень смешно, Соколова. Я хотел переждать бурю в одном хорошем месте. Там у партнёров закрытый клуб. Собирался отдохнуть, поработать в тишине. Без... – он обвёл рукой кухню, явно намекая на присутствие зайцев и гирлянд, – без всего этого.

– И?

– И навигатор завёл в какую-то глушь. Дорогу замело. Я не справился с управлением, и чуть не улетел в кювет. Майбах сел на брюхо намертво. Связи нет. Увидел свет.

Он поднял на меня глаза. В них плескалась такая вселенская обида на несправедливость бытия, что мне стало почти смешно.

– Если бы я знал, что это твоя нора, Соколова... я бы, наверное, предпочёл замёрзнуть в сугробе.

– Нора? – возмутилась я. – Это родовой дом! И вообще, скажите спасибо, что я не огрела вас туфлей. Я думала, это маньяк.

– У тебя богатая фантазия.

Он попытался поправить воротник, но пальцы не слушались. Только сейчас я заметила – рубашка промокла насквозь.

– Вам надо переодеться, – сказала я решительно. – Иначе свалитесь с пневмонией, а мне больные на Новый год не нужны.

– Вообще-то, я твой босс.

– Только не здесь.

– Мне нужна моя одежда, – стуча зубами, заявил он. – И химчистка. У тебя есть сушильная машина?

Я нервно хохотнула.

– Максим Александрович, у меня есть обогреватели, корыто и верёвка на веранде. А химчистка откроется девятого января где-нибудь в другом месте. Снимайте всё.

Его брови поползли вверх.

– Что?

– Одежду снимайте! – рявкнула я, чувствуя, как краснею. – Мокрое! Я найду во что переодеться.

– Я не надену твоё, – он с ужасом посмотрел на мою пижаму. – Даже если это вопрос жизни и смерти.

– Успокойтесь. У меня есть вещи дедушки, отца и брата. Что-нибудь подберём. Ванная прямо по коридору.

– Там корыто?

– Там полотенце. И горячая вода в бойлере.

Он встал, пошатнулся. Гордо выпрямился – хотя в мокром костюме, облепившем тело, это выглядело скорее жалко – и прошествовал в указанном направлении.

– Полотенце должно быть свежим, – бросил через плечо.

– С лебедями, специально для вас берегла, – буркнула я вслед.

– Но... откуда ты знала...

– Шучу.

Как только дверь за ним закрылась, я выдохнула и прислонилась лбом к холодному стеклу. Боже, за что? За что мне это наказание? Я просто хотела есть оливье и смотреть теле-

визор со своей семьёй. А теперь... Семья где-то в придорожном мотеле, в ванной моется мой босс, который ненавидит Новый год, меня и, кажется, всё человечество.

Я полезла в старинный комод. Вещи деда пахли нафталином и табаком. Я выудила шерстяной свитер грубой вязки – колючий, зато тёплый, с каким-то неопределённым геометрическим узором, который в темноте можно было принять за оленей. И спортивные штаны брата – старые, с вытянутыми коленками и лампасами, которые Лёшка оставлял здесь для грязных работ в огороде.

– Ну, Максим Александрович, – злорадно прошептала я. – Добро пожаловать в мир высокой моды дачного посёлка «Берёзки».

Из ванной доносились звуки борьбы с водонагревателем и нечленораздельные проклятия. Видимо, напор воды оставлял желать лучшего. Пусть скажет спасибо, что мы вообще провели сюда воду и электричество.

Я собрала одежду – старый свитер отца с узорами, спортивные штаны брата и шерстяные носки деда – и постучала в дверь.

– Максим Александрович? Я принесла вещи.

Тишина. Только шум воды.

– Я захожу!

Приоткрыла дверь, протянула руку с одеждой, не глядя внутрь.

– Соколова, издеваешься? – раздалось из-за занавески. – Это что за тряпки?

– Это всё, что есть в вашем размере. Берите или мёрзните.

Рука выхватила вещи. Послышалось шуршание, возня, приглушённое ругательство.

– У этого свитера странные рисунки.

– Обещаю никому не рассказывать.

– Я отказываюсь это надевать!

– Ваше мокрое барахло нужно высушить. Выбор невелик.

Тишина. Потом тяжёлый вздох капитулирующего генерала.

Через десять минут дверь открылась.

Я прикусила губу так сильно, что почувствовала вкус крови. Иначе я бы просто засмеялась в голос.

В проёме стоял владелец «Власов Инвест». На нём были синие треники, коротковатые в лодыжках, из-за чего были видны шерстяные носки. Свитер обтягивал широкие плечи так, что казалось, сейчас треснет, а рукава едва доходили до запястий. Мокрые волосы торчали в разные стороны.

Но самое удивительное – даже в обличье огородного пугала он умудрялся выглядеть высокомерным.

– Колется, – сообщил он ледяным тоном, почёсывая грудь.

– Зато шерсть натуральная, – пискнула я, давась смехом. – Экологически чистая.

– Где телефон? – он проигнорировал мой сарказм. – Я согрелся, теперь мне нужно вызвать МЧС, вертолёт, хоть оленью упряжку. Я уезжаю.

– Боюсь, это невозможно, – я протянула ему свой мобильник.

Он схватил его, ткнул в экран.

– Нет сети? Почему нет сети?

– Не знаю. У нас такое бывает, когда сильный ветер.

– А городской? В таких домах должен быть стационарный телефон.

– Это ведь дача. Откуда здесь стационарный телефон.

Власов швырнул мой телефон на стол (к счастью, не в оливье) и метнулся к окну. За стеклом была сплошная белая пелена. Снег валил стеной, ветра не было видно, но слышно, как он с остервенением грызёт крышу.

– Я пойду пешком, – заявил он. – Где мои ботинки?

– Сохнут у батареи. И вообще, Максим Александрович, вы в окно смотрели? Там нулевая видимость. Вы до калитки не дойдёте, заметёт. Впрочем, не мне вас останавливать.

Он замер. Медленно повернулся ко мне. В его глазах, привыкших контролировать всё на свете, сейчас плескался неподдельный ужас осознания.

– Ты хочешь сказать... – он сглотнул. – Ты хочешь сказать, что мы здесь заперты?

Я взяла со стола мандаринку и начала медленно её чистить. Запах цитруса, такой новогодний и радостный, сейчас казался запахом неизбежности.

Свет снова мигнул. Лампочка под потолком затрещала, погасла и снова загорелась.

– Именно так, Максим Александрович, – сказала я, протягивая ему дольку мандарина.

– Мы замурованы. Снежный плен.

– Надолго? – голос его дрогнул.

– Откуда мне знать? Метель закончится – трактор приедет. Если дядя Вася трезвый будет.

Власов посмотрел на мандариновую дольку в моей руке. Потом перевёл взгляд на заячьи уши. Следом – на тазик с салатом.

– Это катастрофа, – прошептал он и осел на стул, обхватив голову руками. – Я заперт в глуши с сумасшедшей секретаршей, в трениках с вытянутыми коленями, без связи и шансов на спасение.

– Зато у нас много оливье, – бодро отозвалась я, отправляя мандаринку в рот. – И шампанское есть. Советское. С наступающим вас, босс!

Ветер ударил в стену – стёкла задрожали. Ясно: никуда он отсюда не денется.

А ведь я загадывала, чтобы он понял, каково это – когда деньги превращаются в фантики. Кажется, вселенная меня слишком буквально поняла.

Глава 4

Свет мигнул в третий раз – жалобно, словно прощаясь, – и погас окончательно. Вместе с ним умерло тихое гудение холодильника.

Очень вовремя – как раз темнеет на улице.

Дом погрузился в тишину. Впрочем, не совсем – из ноутбука всё ещё доносились голоса, благо заряда пока хватало. Но фильм уже закончился.

Я замерла с мандарином в руке.

– Великолепно, – голос босса прозвучал сухо и раздражённо. – Просто великолепно. Соколова, у вас тут есть аварийный генератор?

Я нервно хохотнула и полезла в буфет за свечкой.

– Максим Александрович, это просто дача, а не бункер Судного дня. У нас есть свечи, фонарик и вера в лучшее.

– Вера в лучшее не даст электричества, – отрезал он.

Чиркнула спичка. Огонёк за плясал, выхватывая из темноты лицо босса – напряжённое, с тенью недовольства, которое складкой залегло между бровей. В неверном свете свечи он выглядел странно: профиль римского патриция и... свитер с узорами. Этот свитер видел многое, но миллиардера в своих объятиях держал впервые.

– Скоро станет холодно, – заметил он, и, пожалуй, был прав.

– Батареи у нас на электричестве, – констатировала я. – Нужно топить печь.

Я схватила со стола коробок спичек и решительно направилась в угол гостиной, к печи – гордости деда и головной боли бабушки. Она была капризной, как оперная дива, и требовала особого подхода.

– Сидите здесь, Максим Александрович, – бросила я через плечо. – Я сейчас принесу дрова с веранды.

– Сидеть? – переспросил он, и в голосе звякнули стальные нотки, те самые, от которых на совещаниях бледнели начальники отделов. – Чтобы я сидел в темноте и дрожал, пока ты таскаешь тяжести? Уволь, Соколова.

Он перехватил у меня спички. Его пальцы на секунду коснулись моей ладони – холодные, сухие и уверенные.

– Где дрова?

– На веранде, в поленнице. Но...

– Никаких «но». Свети.

Он был невыносим. Упрямый, как танк, и уверенный, что его управленческие навыки работают везде – от фондовой биржи до дачной печки. Я вздохнула и посветила ему телефоном.

Босс вернулся через минуту с охапкой берёзовых поленьев, умудряясь даже в трениках с вытянутыми коленками, нести дрова так, будто это золотые слитки. С грохотом свалил их у камина.

– Так, – он потёр руки, оглядывая топку с видом инженера, оценивающего несущие конструкции моста. – Приступим.

Я присела на подлокотник дивана. Мне было и любопытно, и смешно, и, честно говоря, немного страшно. Если он сейчас задымит весь дом, нам придётся выходить на мороз, а это плохая идея.

– Максим Александрович, может, всё-таки я? Там есть нюансы...

– Маша, не мешай процессу, – буркнул он, укладывая поленья в топку.

Босс возвёл внутри камина монументальную конструкцию из самых толстых и сырых поленьев, какие только смог найти. Ни щепки, ни бумаги, ни коры.

– Поджигаем, – скомандовал он сам себе.

Спичка вспыхнула и погасла. Вторая сломалась. Третья догорела до его пальцев, заставив его тихо выругаться на каком-то сложном французском диалекте (или это был просто очень изысканный мат).

– Они бракованные, – обвинил он коробок.

– Дрова отсырели, – поправила я. – И вы пытаетесь поджечь дерево силой мысли. Нужна растопка.

– Я справлюсь, – прорычал он.

Босс нашёл на каминной полке старую газету. Скомкал её с остервенением, запихал под деревянную башню и чиркнул спичкой снова.

Огонь лизнул бумагу. Газета весело вспыхнула. Босс победно обернулся ко мне, и на его лице заиграли отблески пламени.

– Видишь? Всё под контролем. Главное – правильная стратегия и...

Договорить он не успел.

Едкий, густой, серо-жёлтый дым, вместо того чтобы устремиться в трубу, вальяжно вывалился в комнату.

– Чёрт! – босс закашлялся, махая руками. – Что за... Кха-кха!

– Заслонка! – крикнула я, спрыгивая с дивана. – Вы не открыли заслонку!

– Какую ещё?.. – просипел он, шурясь от слёз.

Я подскочила к печи, отталкивая его плечом. Глаза щипало немилосердно.

– Пустите! Вы нас сейчас закоптите!

В темноте, разрываемой тлеющей газетой и фонариком телефона, нашла его руку, которая беспомощно шарилась по кирпичной кладке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.